

Каминская Олеся Олеговна, адъюнкт 1 курса заочной формы обучения кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Петрозаводск

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация

В статье исследуется правовая природа права подозреваемого и обвиняемого на защиту и определяется его место в системе уголовно-процессуальных категорий. Разграничены право на защиту, принцип его обеспечения и функция защиты: право принадлежит подозреваемому и обвиняемому, его обеспечение возлагается на суд и должностных лиц, осуществляющих производство предварительного расследования по уголовному делу, а функция защиты выражает самостоятельное направление уголовно-процессуальной деятельности. Показано, что защитник обладает самостоятельным процессуальным статусом и содействует реализации права подзащитного, не замещая его в качестве носителя данного права.

Abstract

This article examines the legal nature of the right of suspects and accused to defense and defines its place within the system of criminal procedural categories. It distinguishes between the right to defense, the principle of ensuring it, and the function of defense: this right belongs to the suspect and accused, its enforcement is entrusted to the court and officials conducting the preliminary investigation of the criminal case, and the function of defense expresses an independent aspect of criminal procedural activity. It is shown that defense counsel has an independent procedural status and facilitates the realization of the defendant's right without replacing them as the bearer of this right.

Ключевые слова: право на защиту, подозреваемый, обвиняемый, уголовное судопроизводство, обеспечение права на защиту, защитник, квалифицированная юридическая помощь

Keywords: right to defense, suspect, accused person, criminal proceedings, ensuring the right to defense, defense counsel, qualified legal assistance

Право подозреваемого и обвиняемого на защиту занимает особое место в системе прав личности в уголовном судопроизводстве. Его значение обусловлено тем, что уголовное преследование осуществляется государственными органами, наделенными властными полномочиями и правом применять меры процессуального принуждения. В этих условиях право на защиту обеспечивает процессуальную самостоятельность лица и не позволяет рассматривать его лишь как пассивный объект обвинительной деятельности.

Конституционную основу данного права образуют взаимосвязанные положения Конституции Российской Федерации (далее - Конституция РФ). Статья 45 закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом; статья 46 гарантирует судебную защиту; статья 48 - право на получение квалифицированной юридической помощи; статья 49 устанавливает презумпцию невиновности; статья 51 предусматривает право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. В соответствии с частью 3 статьи 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон [2]. На отраслевом уровне центральное значение имеет статья 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ). Согласно части 1 данной статьи подозреваемый и обвиняемый могут осуществлять право на защиту лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя, а часть 2 возлагает на суд, прокурора, следователя и дознавателя обязанность

разъяснить им права и обеспечить возможность защищаться всеми способами и средствами, не запрещенными УПК РФ [8].

Несмотря на устойчивое конституционное и уголовно-процессуальное закрепление, вопрос о юридической природе права на защиту остается дискуссионным. В науке уголовного процесса оно рассматривается как совокупность процессуальных правомочий подозреваемого и обвиняемого, самостоятельное субъективное право и элемент их процессуального статуса. Одновременно обеспечение права на защиту признается принципом уголовного судопроизводства, осуществление защиты связывается с самостоятельной уголовно-процессуальной функцией, а регулирующие соответствующие отношения нормы характеризуются как правовой институт. Эти подходы раскрывают разные стороны одного явления, однако их смешение затрудняет определение содержания каждой категории.

В уголовно-процессуальной доктрине право на защиту традиционно определяется через систему предоставленных подозреваемому и обвиняемому правомочий, направленных на оспаривание подозрения или обвинения, представление сведений и доводов в свою пользу, а также на охрану иных прав и законных интересов. М. С. Строгович рассматривал право обвиняемого на защиту в непосредственной связи с презумпцией невиновности. Отсутствие у обвиняемого обязанности доказывать свою невиновность, по мнению ученого, не исключает предоставления ему возможности активно противостоять обвинению [7]. Такой подход показывает, что содержание права на защиту не исчерпывается участием адвоката и включает собственные процессуальные возможности лица, подвергаемого уголовному преследованию.

Вместе с тем сведение права на защиту к перечню отдельных полномочий не позволяет в полной мере раскрыть его юридическую самостоятельность. Эти полномочия объединены общей целью - обеспечить лицу возможность формировать и отстаивать свою позицию в условиях осуществляемого в отношении него уголовного преследования. Поэтому они

образуют содержание единого субъективного права, а не механическую совокупность процессуальных возможностей.

Ю. И. Стецовский и А. М. Ларин характеризовали обеспечение обвиняемому права на защиту как конституционный принцип уголовного процесса [6]. Значение данной позиции состоит в признании того, что юридическим возможностям обвиняемого корреспондируют обязанности государственных органов. Однако принадлежащее лицу право и принцип его обеспечения не тождественны. И. А. Насонова разграничивает защиту, право на защиту и обеспечение права на защиту. Защита представляет собой процессуальную деятельность, право на защиту - принадлежащую определенному субъекту юридическую возможность, а его обеспечение - обязанность уполномоченных государственных органов создать условия для осуществления данного права [4, с. 144–149]. Такое разграничение позволяет отделить субъективное право от деятельности по его реализации и от публично-правовой обязанности государства.

В современных исследованиях право на защиту рассматривается также в системе конституционных гарантий и состязательного построения уголовного судопроизводства. К. А. Васильков исследует его в расширительном конституционно-правовом значении, соотнося с правом на судебную защиту и более общей категорией права на правосудие. При этом содержание права на защиту автор преимущественно связывает с оказанием квалифицированной юридической помощи профессиональным представителем или защитником [1]. Такой подход раскрывает конституционную основу исследуемого права, но его содержание нельзя ограничивать профессиональной юридической помощью. Статья 16 УПК РФ наряду с участием защитника и (или) законного представителя предусматривает возможность личного осуществления защиты подозреваемым и обвиняемым.

М. Б. Набатов раскрывает содержание права на защиту через процессуальный статус обвиняемого и систему предоставленных ему

юридических возможностей, одновременно отмечая зависимость осуществления отдельных прав стороны защиты от решений властных субъектов уголовного процесса [3, с. 14, 29]. Эта позиция подтверждает, что право на защиту прежде всего характеризует правовое положение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Вместе с тем его содержание не исчерпывается простой совокупностью элементов процессуального статуса.

Право на защиту имеет конституционную основу, но специальное содержание приобретает в уголовно-процессуальных отношениях. Конституция РФ закрепляет общие гарантии свободы, достоинства и правовой самостоятельности личности, а УПК РФ определяет круг участников, содержание их правомочий и обязанности должностных лиц по обеспечению защиты. Поэтому рассматриваемое право следует характеризовать как конституционно обусловленное субъективное уголовно-процессуальное право.

В пределах предмета настоящего исследования непосредственными носителями права на защиту выступают подозреваемый и обвиняемый. Вместе с тем в более широком уголовно-процессуальном значении круг лиц, обладающих правом на защиту, указанными участниками не исчерпывается. Защитник не замещает подзащитного в качестве носителя принадлежащего ему личного права, но обладает самостоятельным процессуальным статусом и предусмотренными законом полномочиями по защите его прав и законных интересов.

Субъективное право представляет собой признанную и обеспеченную государством меру возможного поведения управомоченного лица. Право на защиту соответствует данной характеристике, поскольку позволяет подозреваемому и обвиняемому самостоятельно определять свою позицию, оспаривать фактические и юридические основания подозрения или обвинения, представлять доводы в свою пользу и защищать иные права и законные интересы, затрагиваемые уголовным судопроизводством.

Право на защиту не следует сводить к возможности доказывать невиновность. В силу презумпции невиновности подозреваемый и обвиняемый не обязаны опровергать выдвинутые против них доводы. Вместе с тем они вправе выбирать позицию, направленную на полное опровержение подозрения или обвинения, несогласие с их объемом, юридической квалификацией либо отдельными выводами стороны обвинения. Неиспользование отдельных процессуальных возможностей, включая отказ от дачи показаний, не прекращает самого права на защиту.

Субъективное право на защиту необходимо разграничивать с принципом его обеспечения. Статья 16 УПК РФ включена в главу о принципах уголовного судопроизводства, причем ее содержание обращено не только к подозреваемому и обвиняемому, но и к суду, прокурору, следователю и дознавателю. Право определяет меру возможного поведения лица, тогда как принцип закрепляет обязательное требование к деятельности государственных органов и должностных лиц: разъяснить соответствующие права и создать реальные условия для их осуществления. Следовательно, между правом на защиту и принципом его обеспечения существует непосредственная связь, но отсутствует юридическое тождество.

Право на защиту следует отличать и от функции защиты. Уголовно-процессуальная функция представляет собой самостоятельное направление деятельности участников стороны защиты, противопоставленное уголовному преследованию. И. А. Чеботарева характеризует защиту как сложное правовое явление, имеющее значение самостоятельной уголовно-процессуальной функции [9, с. 38–43]. Функция отражает содержание и направленность процессуальной деятельности, тогда как субъективное право определяет юридические возможности и положение конкретного лица. Поэтому право подозреваемого и обвиняемого на защиту является одной из основных юридических предпосылок осуществления функции защиты, но не совпадает с ней.

Институциональная характеристика допустима при разграничении субъективного и объективного значений права. В субъективном смысле право принадлежит конкретному лицу. В объективном смысле речь идет о совокупности конституционных, уголовно-процессуальных и иных норм, регулирующих положение подозреваемого, обвиняемого, защитника и других участников отношений, возникающих в связи с осуществлением и обеспечением защиты. Эти нормы объединены общей целью и предметной направленностью, поэтому могут рассматриваться как комплексное нормативное образование. При этом правовой институт представляет собой систему норм, а субъективное право - юридическую возможность конкретного лица.

Необходимо разграничивать также право на защиту и право на квалифицированную юридическую помощь. Последнее имеет самостоятельное конституционное значение и одновременно выступает одной из основных гарантий реализации права подозреваемого и обвиняемого на защиту. Помощь защитника имеет профессиональный характер, однако не исчерпывает содержания права на защиту, поскольку подозреваемый и обвиняемый сохраняют возможность лично определять и отстаивать свою процессуальную позицию, а в предусмотренных законом случаях действовать также с помощью законного представителя.

Проведенный анализ позволяет разграничить рассматриваемые категории по их субъекту, содержанию и назначению. Субъективное право принадлежит подозреваемому и обвиняемому и определяет меру их возможного поведения. Принцип обеспечения права на защиту устанавливает обязанности суда и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу. Функция защиты характеризует самостоятельное направление процессуальной деятельности участников стороны защиты. Наконец, нормы, регулирующие осуществление и обеспечение защиты, образуют взаимосвязанную нормативную систему. Такое разграничение сохраняет

целостность исследуемого явления, не смешивая его различные юридические проявления.

С учетом изложенного право подозреваемого и обвиняемого на защиту предлагается определить как конституционно обусловленное субъективное уголовно-процессуальное право лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, выражающееся в гарантированной государством возможности лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя формировать и отстаивать свою позицию по поводу подозрения или обвинения, оспаривать их фактические и юридические основания, а также защищать связанные с уголовным судопроизводством права и законные интересы всеми способами и средствами, не запрещенными УПК РФ.

Таким образом, по своей юридической природе право подозреваемого и обвиняемого на защиту является самостоятельным субъективным уголовно-процессуальным правом, имеющим конституционную основу. Его обеспечение выступает принципом уголовного судопроизводства и возлагает соответствующие обязанности на суд и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу. Функция защиты характеризует самостоятельное направление процессуальной деятельности, а совокупность регулирующих ее норм может рассматриваться в объективном смысле как комплексное нормативное образование. Разграничение этих категорий позволяет точнее определить место права на защиту в системе уголовно-процессуальных средств охраны личности.

Список литературы

1. Васильков К. А. Конституционное право на защиту в уголовном процессе России: терминологический анализ и уголовно-процессуальные гарантии реализации правосудия // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2025. № 1 (26). С. 125–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-na-zaschitu-v-ugolovnom->

protssesse-rossii-terminologicheskiiy-analiz-i-ugolovno-protssessualnye-garantii
(дата обращения: 03.07.2026).

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 13.07.2026).

3. Набатов М. Б. Реализация права на защиту в уголовном процессе в условиях применения цифровых технологий / под ред. Л. А. Воскобитовой. М.: Информ-Право, 2025. 256 с.

4. Насонова И. А. О юридической природе уголовно-процессуальной защиты // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4. С. 144–149.

5. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.

6. Стецовский Ю. И., Ларин А. М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: Наука, 1988. 316 с.

7. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1984. 143 с.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

9. Чеботарева И. А. Функциональное назначение защиты в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2025. № 4. С. 38–43. DOI: 10.18572/2072-4411-2025-4-38-43.

References

1. Vasilkov K. A. Konstitutsionnoe pravo na zashchitu v ugovnom protsesse Rossii: terminologicheskii analiz i ugovno-protsessual'nye garantii realizatsii pravosudiya [The constitutional right to defense in Russian criminal proceedings: terminological analysis and criminal-procedural guarantees of the administration of justice]. Uchenye zapiski Altaiskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, 2025, no. 1 (26), pp. 125–129. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-na-zaschitu-v-ugolovnom-protsesse-rossii-terminologicheskiiy-analiz-i-ugolovno-protsessualnye-garantii> (accessed 3 July 2026). (In Russ.).

2. Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide referendum on 12 December 1993 (as amended by the amendments approved during the nationwide vote on 1 July 2020). Official Internet Portal of Legal Information. Available at: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (accessed 13 July 2026). (In Russ.).

3. Nabatov M. B. Realizatsiya prava na zashchitu v ugovnom protsesse v usloviyakh primeneniya tsifrovyykh tekhnologii [Exercise of the right to defense in criminal proceedings amid the use of digital technologies]. Ed. by L. A. Voskobitova. Moscow, Inform-Pravo Publ., 2025. 256 p. (In Russ.).

4. Nasonova I. A. O yuridicheskoi prirode ugovno-protsessual'noi zashchity [On the legal nature of criminal-procedural defense]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii, 2010, no. 4, pp. 144–149. (In Russ.).

5. O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, obespechivayushchego pravo na zashchitu v ugovnom sudoproizvodstve: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 30 iyunya 2015 g. No. 29 [On judicial practice in applying legislation ensuring the right to defense in criminal proceedings: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 of 30 June 2015]. Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii, 2015, no. 9. (In Russ.).

6. Stetsovskii Yu. I., Larin A. M. Konstitutsionnyi printsip obespecheniya obvinyaemomu prava na zashchitu [The constitutional principle of ensuring the accused's right to defense]. Ed. by V. P. Kashepov. Moscow, Nauka Publ., 1988. 316 p. (In Russ.).

7. Strogovich M. S. Pravo obvinyaemogo na zashchitu i prezumpsiya nevinovnosti [The accused's right to defense and the presumption of innocence]. Ed. by V. M. Savitskii. Moscow, Nauka Publ., 1984. 143 p. (In Russ.).

8. Uголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. No. 174-FZ [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of 18 December 2001]. Sобрание законодательства Российской Федерации, 2001, no. 52 (pt. I), art. 4921. (In Russ.).

9. Chebotareva I. A. Funktsional'noe naznachenie zashchity v уголовном судопроизводстве [The functional purpose of defense in criminal proceedings]. Uголовное судопроизводство, 2025, no. 4, pp. 38–43. DOI: 10.18572/2072-4411-2025-4-38-43. (In Russ.).